

П о укатанной зимней дороге мчится тройка, весело звенят бубенцы, гривы лошадей украшены разноцветными лентами. Дух захватывает у Людмилы от летящего навстречу потока воздуха и еще от счастья, которое в образе Анатолия сидит сейчас рядом в санях. Свадьба... Сколько раз мечтала она об этом счастливом дне. Как по-разному представляла его себе на свадьбах подруг. К концу последнего курса учебы в институте однокурсницы Людмилы заспешили замуж. Свадьбы гуляли чуть ли не каждую неделю на разные лады: в красных уголках предприятий, в столовых, в ресторанах. В зависимости от расстояний до ЗАГСа молодые добирались как получится. Случалось и пешком дойти, но чаще всего, конечно, ехали на украшенных лентами и воздушными шарами машинах, с нарядными куклами-невестами на капотах. А вот такой свадьбы, как у Людмилы, — на тройке шикарных гнедых лошадей молодые мчатся к своему счастью, в лучших русских традициях, — ни у кого не было. Идея с тройкой возникла случайно: шутя, предложил сват со стороны жениха, а молодых и уговаривать долго не пришлось. Романтика ведь какая! Здорово!

— Будет у нас с тобой, Людок, самая шикарная свадьба. Еще все завидовать станут и повторять. Вот увидишь. Верь мне, — убеждал Анатолий.

И Людмила, раскрасневшаяся от счастья и закруживших мечтаний, верила.

Шло время. После появления первенца Людмила с пониманием отнеслась к переменам в поведении мужа — отцы часто проявляют интерес к детям, когда те уже ходить начнут и говорить связно. Людмила верила в увещевания свекрови, ждала, а в ожиданиях счастливого момента проникновения любви к сыну-первенцу со стороны мужа появилось еще одно ожидание — рождения второго сына. Собственно, Людмила тогда еще не знала, что это будет сын, она очень хотела доченьку — помощницу, но пока просто ждала. Когда появился в их с Анатолием семье уже второй сыночек, первенец и по двору шагал ножками, уцепившись за ее юбку, и к папке тянул ручонки, пытаясь что-то ему поведать на своем агушечном языке, но Анатолий не задерживался возле сына. В лучшем случае брал на руки, чтобы тут же опустить на землю:

— Ну, чего ты тут мне по-птичьи бормочешь? Иди, сыночек, к мамке. Устал я.

Вскоре уже оба сыночка ходили с ясли-садик, а родители их работали. За домашними хлопотами о детях, о муже, о хозяйстве своем немало — в деревне ведь живут — Людмила и не заметила, когда именно Анатолий начал приходить с работы нетрезвым. Только случаи эти становились все чаще. Все меньше помогал он ей справляться с домашним хозяйством: вечером принятое на грудь давило его к постели, а утром хвороба со вчерашнего не добавляла сил и портила настроение. Сначала Людмила пеняла мужу, пробовала стыдить, когда корова осталась в зиму без сена. Все напрасно: чем больше она возмущалась, тем агрессивнее муж становился. Скандальить Людмила не умела и не хотела, поэтому однажды собралась с ребятишками и поехала к маме в другое село. Анатолий приехал следом уже через день, трезвый. Всю обратную дорогу домой он рассказывал Людмиле о своих планах:

— Людок, пить больше не буду. Бригадир обещал машину новую, тогда и зарплата повыше — на этой-то план не сделаешь. За корову не переживай, привезу я сено. И печку поправим. И забор новый выправлю, у меня же вон какие помощники. Правда, мужики? — Мужики разморенно сопели, уткнувшись в окошко автобуса. — И машинку я тебе, как обещал, привезу из города. Вот с полочки и возьмем. Ты только мне верь, Людок. Мы еще и дочку с тобой вырастим.

Людмила мечтала, поглядывая на девочек, которых утром приводили в детский сад в нарядных платьицах, с огромными бантами на голове. Но родился опять мальчик.

— Мужички вы мои, помощники, — не унывала Людмила. — Хоть бы вы скорее подрастали. Забор вот так и стоит непочиненный. Все-то папке вашему некогда.

Не унывала она рядом с детками и в обществе подруг по работе, а когда оставалась одна, не раз вздыхала горько. Все чаще, уложив вечером детей спать и слушая всхрапывания пьяного мужа, с сожалением думала о прошлом. Она ведь Анатолия своего приняла как знак судьбы, потому что был уже в ее жизни Анатолий Первый. С ним Людмилу в пору студенческой жизни на съемной квартире познакомила хозяйка этой самой квартиры. Девушка старой женщине приглянулась сразу: спокойная, сговорчивая, в работе безотказная. А при этом еще и высокая, статная, да симпатичная без всяких там красок. Бывало, старушка занеможет, Людмила тут как тут — и обед сготовит, и бинты на больных ногах хо-

зайки своей поменяет. Вот баба Валя и решила, что пришла пора определяться племяннику ее — студенту сельскохозяйственного института. «Он скоро окончит институт, она следом через годик. Пока присмотрятся, подружатся, а там как раз и сложится все», — логично рассуждая, баба Валя пригласила племянника Анатолия однажды на чай, якобы случайно встретив. И он случайно захватил с собой коробку конфет и палочку любимой тетушкиной колбаски.

Людмила Анатолию понравилась сразу: ясный взгляд больших серых глаз отражает глубины бесхитростной души, в каждом движении девическая плавность и такая обаятельная застенчивость. Баба Валя понятливостью не отличалась. Она решила строго держать ситуацию под своим контролем. Поэтому, когда Анатолий предложил Людмиле прогуляться, она согласилась с готовностью. Перед сном на вопрос хозяйки: «Ну как тебе Анатолий?» ответила коротко: «Нормально. Только скромный какой-то чересчур». «Смелые-то вам, конечно, больше нравятся. Небойсь, и с руками смелыми. А он парень серьезный, живет разумно. Учиться пошел только после армии, да и подрабатывает. Из матери копейку-то не тянет», — недовольно проворчала баба Валя и отвернулась к стенке. Людмила сначала хотела возразить, но потом решила, что разумнее промолчать, быстрее можно будет уснуть.

Анатолий действительно оказался серьезным: учиться в институте старался не просто без хвостов, а хорошо; посменно подрабатывал грузчиком сразу в двух местах; не просто помогал маме, но старался и себе копейку заработать. Все это в глазах Людмилы делало Анатолия положительным героем, но не более того. Он появлялся всякий раз при первой возможности — всегда не с пустыми руками, часто с букетиком цветов. Только вот самые оживленные разговоры у них велись как раз в присутствии бабы Вали. По дороге из кинотеатра, равно как и за все время поедания мороженого в кафе, кавалер бывал крайне немногословным. Людмилу Анатолий не впечатлял и не раздражал, просто она знала, что он есть, он ничего не навязывает, а ей буквально смотрит в рот, и всегда только «Людочка».

Подруги-однокурсницы, жившие по соседству, успокаивали: «Люд, ну чего ты нервничаешь? Посмотри, у твоего Анатолия практически нет недостатков. Внимательный, заботливый, деньги вон на свадьбу копит, а то, что молчаливый — ерунда, меньше вранья услышишь». — «И не красавец он», — сопротивлялась Людмила. «Ой, Люда, сколько я тебе рассказывала! Вон у сестры моей был красавец-муженек. И что?! Девки вокруг него так и вились, да и он с ними кружился, кружился, пока совсем не свинтил. А теперь она живет с обыкновенненьким, зато он все в дом, и она для него королевишна. Про красавца и думать забыла», — не отступала подруга, под напором которой Людмила сдавалась: «Может, ты и права». Анатолий и в самом деле уже не раз заводил разговор о совместном будущем. И Людмила мысленно не раз соглашалась на это будущее, взвешивая «за» и «против». От этих «взвешиваний» однозначно портилось настроение, Людочка становилась злобной Людкой, Анатолий в таких случаях предпочитал ретироваться. Не хотело сердце Людмилы договариваться с разумом, оно мечтало, ждало чего-то особенного, радостного, пьянящего... И дождалось.

Игорь появился в ее жизни совсем неожиданно и весело — однажды помог ей выбраться из сугроба, в который сам же и столкнулся второпях Людмилу на узкой тропинке. Сначала она рассердилась, когда сильные

руки поставили ее на ноги. Потом по-детски запрокинула голову, чтобы рассмотреть обидчика. И от того, что ей пришлось делать это при ее-то росте баскетболистки, сделалось весело. Так и смеялись по любому поводу при ежедневных вечерних встречах, которые Людмила начинала ждать уже при расставании. В ожидании этих встреч она парила над землей, делая все легко и быстро. Единственным, кто теперь мог омрачить ее жизнь, был Анатолий. Однажды, увидев его на пороге, Людмила пришла в изумление: она совсем забыла о его существовании. «Боже мой, через полчаса меня будет ждать Игорь. При чем здесь Анатолий?!» — пронеслось у нее в голове, и Людмила состроила такую гримасу, что Анатолий не мог не поинтересоваться заботливо: «Людочка, ты не заболела?» Заболела, она так сильно заболела, что даже пропустила сегодня занятия в институте. Нет-нет, ей ничего не надо. Все лекарства есть — соседка-однокурсница позаботилась. Самое лучшее сейчас — оставить ее в покое. А уже через десять минут после ухода Анатолия Людмила бабочкой спорхнула со второго этажа и очутилась в руках Игоря. Стоявшего поодаль Анатолия, все еще не решившегося уйти от так сильно заболевшей Людочки и раздумывающего, не вернуться ли, чтобы быть рядом хоть и на коврике у дверей, любимая девушка даже не заметила. Несмотря на все случившееся, Анатолий предпринял еще одну попытку, твердо решив поговорить с Людочкой серьезно. Пригубив все же в компании с ним и бабой Валей вина, Людмила сослалась на необходимость срочной контрольной работы. А рассказ Анатолия о предстоящем отъезде по распределению заинтересовал только бабу Валю.

Девчонки-соседки искренне разделяли Людмилину радость, но относительно ее нового кавалера очень любопытничали. И она не заставила их долго ждать: пригласила как-то на чай всю компанию, воспользовавшись отсутствием бабы Вали. Игорь девчонкам понравился сразу — высокий, интересный, балагур. Да и он так разошелся, что пригласил подруг к себе на ответный чай с вишневым вареньем. Людмила была безгранично счастлива в этом чаду суматохи и смеха, не заметив слишком внимательных взглядов, которыми обменивался Игорь с одной из ее подруг. Так что на обратном пути уже двое пребывали в мечтах: счастливая Людмила, болтая всю дорогу, а только что появившаяся у нее соперница — молча. С этого вечера во встречах Людмилы с Игорем стали случаться непредвиденные пробелы. Прояснилось все неожиданно и просто. Увидев издали Игора входящим в их подъезд, Людмила специально задержалась — и медленно тихонечко шагая по ступенькам, уже готовилась посмеяться, шутливо испугав своего любимого, но, дойдя до второго этажа, растерялась — никого нет. Надеясь, что гостя впустила баба Валя, Люда толкнула дверь, потом нажала на звонок, в конце концов, она достала ключ и открыла дверь: в однокомнатной квартире было темно и тихо. И тут Людмилу осенило: Игорь ведь такой шутник, ну, конечно, он стоит на верхней площадке и наблюдает за ней. Людмила бросила сумку в квартиру и помчалась по ступенькам вверх, заранее думая: «Сейчас я тебе задам». Да так и застыла с улыбкой, очутившись на пятом этаже. Игоря нигде не было. Медленно спускаясь по ступенькам, Людмила ругала себя: «Глупая я. Игорь мне уже везде мерещится. Надо же так обознаться». И вдруг она замерла у последнего пролета между вторым и третьим этажом, ясно услышав голос Игоря у открытой соседской двери: «Я выйду первым». Людмила вся превратилась в слух, но больше ничего не услышала. Когда его шаги стихли внизу, она уже готова была сорваться, выбежать следом

и окликнуть Игоря, но в это время из соседней квартиры мышкой выскочила одна из подруг. Людмила отпрянула к стене, боясь, что ее заметят, но, посмотрев через окно подъезда на две фигуры, удаляющиеся в обнимку, поняла, что им сейчас не до нее. В этот вечер Людмила впервые пожалела о том, что бабы Вали нет дома — не на кого переключить свое внимание, а думать постоянно об одном и том же невыносимо. Прокрутившись на постели до двух часов ночи, нашла снотворное бабы Вали и выпила таблетку: «Назло им не сойду с ума».

На следующий день явилась разлучница: «Ты прости. Он сам тебе сказать никак не может. Меня просил. Мы с ним теперь». — «Бог вам судья», — сказала и дверь закрыла. Проклинать не проклинала: мать с детства учила, что на чужом несчастье счастья не построишь, но обиду вынашивала долго. На праздники съездила домой — маме помогла по хозяйству, племянника у сестры понянчила — так и отогрелась душой. А когда поцелуи Игоря на губах уж совсем забылись, огляделась по сторонам — весна: цветы, улыбки, парочки влюбленных повсюду. Вспомнив, что давно не была в кинотеатре, поинтересовалась, будто невзначай, у бабы Вали: «Что-то племянник вас забыл. Не уехал еще Анатолий?» — «Уж и письмо было матери от него. Кланялся. Все у него хорошо. Устроился там», — баба Валя посмотрела с укором. — Людка, ты Людка, такой у тебя был вариант!»... У Людмилы обидно заныло под ложечкой: осталась с носом, даже вот у Анатолия и без нее все хорошо. Посылала ему поздравление с днем рождения, кроме вежливого «спасибо», ничего в ответ не дождалась.

Жизнь с Анатолием Вторым — мужем — поначалу Людмилу закружила в вихре счастливых семейных хлопот, она забыла даже думать обо всех других мужчинах. Но с годами воспоминания ее возвращались все чаще. Об Игоре она почти не вспоминала. Знала, что жизнь у них с ее бывшей соседкой не задалась. Зла давно уже не было, только подумала: «Значит, Бог меня отвел». А вот Анатолия Первого нет-нет да и вспоминала: муж-то цветами не баловал. С ним все чаще и поговорить-то было не о чем или некогда.

Однажды муж после работы на ее молчаливый упрек сообщил: «Да, задержался, выполнял указание начальства: доставил со станции нового агронома, вместе со всей его семьей и пожитками». Людмила не очень прислушивалась к дальнейшим объяснениям мужа, но последняя фраза ее насторожила: «Он тезка мой. Анатолием зовут. За это тоже выпили».

Будто проглотила кусочек сосульки: «под ложечкой» царапнуло и вмиг похолодело. «Да нет, не может быть. Что же агроном за тысячи километров поедет к нам, ближе-то не нашли что ли? Да и «выпили» — не похоже», — размышляла Людмила. Вроде и не хотела думать, а мысли сами просились, неслись, одна другую опережая. «Людок, ты часом не уснула? Молоко льешь мимо банки», — муж вернул Людмилу к действительности. Охнув, схватилась за тряпку, затопилась, а тут еще сынок: «Мам, там Настька в коляске хныкает, я ее катал-катал, надоело мне». Людмила, забыв обо всем, метнулась во двор: наконец-то она дождалась своего счастья — доченька у нее! И мать, и подруга самая близкая ругали, узнав о ее очередной беременности: «А вдруг опять парень! До футбольной команды, что ли, хочешь догнать?» Да и соседки за спиной шушукались. Но Людмила держала нападения стойко и уверенно: «Девочка будет. Чувствую я». — «Одним ртом больше, одним меньше — не велика разница, не вам кормить», — парировала самой говорливой в сельпо, чтобы другим неповадно было.

К встрече с Анатолием Первым специально не готовилась, не успела. Уже на следующий день после мужниного сообщения они встретились у магазина. Людмила поднимала из коляски Настеньку, когда услышала произнесенное с запинкой: «Здрасьте, Людочка!» От неожиданности испугалась и удивилась: «Здравствуй, Анатолий!» Видимо, чтобы не так шататься, он переминался с ноги на ногу, стараясь соблюдать дистанцию, хотя запах спиртного и на таком расстоянии неприятно поразил его собеседницу. Костюм, рубашка. Но все это несвежее, помятое; на голове нелепая шляпа; двухдневная щетина и торчащая из кармана бутылка портвейна дополняли образ человека, жизнь за спиной которого как за стеной грезилась Людмиле в минуты отчаяния. Поймав слишком красноречивый взгляд Людмилы, Анатолий, будто извиняясь, сказал: «Да нормально. Мы же только переехали. Сейчас устроимся и заживем». — «Этo ты все переезд обмываешь?» — спросила Людмила и в ту же минуту пожалела об этом. Анатолий явно собрался идти в наступление, шагнув к Людмиле поближе, но в этот момент заплакала Настенька, ерзавшая у матери на руках и всячески кривившая свои пухленькие губки. И Людмила заторопилась: «Извини, дочка капризничает. Еще обязательно поговорим». В магазине никак не могла сосредоточиться. Казалось, что образовавшаяся внутри пустота проникла и в мысли. У Насти тоже окончательно испортилось настроение, и всю обратную дорогу до дома она прохныкала.

Муж вечером пришел на удивление трезвый, но злой. К тяжелому похмельному состоянию добавилась поломка машины, а значит, и вся его жизнь — одна большая драма. Ни Людмила, ни дети его в таком состоянии не трогали: именно в такие дни муж Анатолий становился самым рачительным хозяином и испытывал повышенную тягу к воспитанию сыновей.

Ложась рядом с выпустившим пары и безмятежно спящим мужем, Людмила смахнула ладошкой покотившиеся по щекам слезинки: нет, не было у нее вариантов.